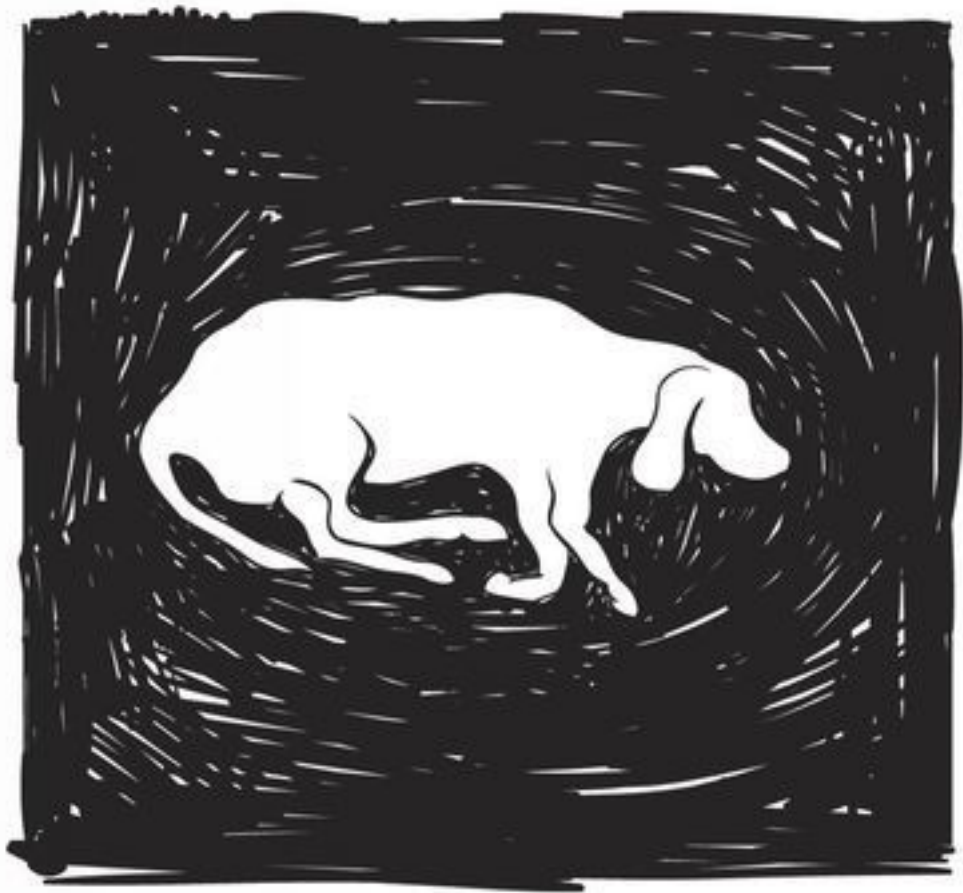

Илья Плахута

ЧЕРНЫЙ ПЕС

Илья Плахута

Черный Пес

«Издательские решения»

2015

Плахута И.

Черный Пес / И. Плахута — «Издательские решения», 2015

Что делать, когда ты слишком мал, чтобы изменить окружающий мир? Что делать, когда родители слишком заняты своими проблемами, чтобы помочь решить твои? Что делать, когда ты считаешь себя недостойным той, в которую влюблен? Остается одно – исследовать жизнь вокруг, найти черного пса и быть готовым к любым, порой самым неожиданным и страшным подаркам судьбы. Ведь жизнь – долгая дорога, на которой никогда не знаешь, что найдешь, а что – потеряешь.

© Плахута И., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

1	6
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Черный Пес

Илья Плахута

© Илья Плахута, 2015

© Илья Плахута, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Я стоял возле небольшой проезжей части, по которой в данный момент никто не проезжал – все были во власти выходных дней, долгожданных, выстраданных постоянной работой или нытьем от ее отсутствия. Как ни странно, выходные дни были сладостны своим ничегонеделаньем не только для людей работающих, но и для вечно отдыхающих – лентяев, отдавших свою жизнь служению какому-нибудь древнему богу алкогольного пристрастия, праздности или разврата, например, Вакху, про которого я читал в старой книжке, подаренной мне бабушкой. Таких лентяев в окрестностях было немало, что служило пищей для вечных пересудов и споров между жителями – даже простая праздность здесь считалась пороком.

На дороге никого не было, поэтому я мог безнаказанно ходить по ней, бегать, прыгать – хоть ползти, словно калифорнийская гадюка, или ходить колесом, как цирковой гимнаст. Меня прельщала та свобода действия, тем более, что касалась она непосредственно того места, где жизнь была строго регламентирована огромным количеством правил, среди которых моим самым не любимым стало пристегиваться. Отец всегда заставлял меня пристегиваться, как только мое тело пересекало границы двух разных, по своей сути, миров – внутри машины и за ее пределами – и оказывалось в его старом «Плимуте». Отец очень любил порядок и безоговорочное послушание. Мое нежелание следовать его строгим, но, по его же собственным словам, справедливым правилам, к тому же подкрепленным общим законодательством, делало из меня «совершенно непослушного и отбившегося от рук ребенка, заслуживающего хорошей трепки». Но до последней дело так никогда и не доходило, благо я достаточно рано научился признавать свою неправоту, виновато опускать голову и просить прощения за свои нарушающие порядок действия. Хотя это мне ничего не стоило – я был заядлым нарушителем-рецидивистом, и родителям часто не хватило сил и нервов напоминать мне в очередной, уже энный раз, что я натворил и как меня следует за это покарать.

Пустая дорога была для меня огромным миром, который я, будучи совсем еще мальчишкой, пытался осознать, прочувствовать всю его глубину и необычность. Всегда существовала тайна, интрига на пустом шоссе, ведь ничто не было так упоительно, как угадать марку автомобиля, звук которого слышно издалека, или найти выброшенную из окна вещь. Через нас дорога шла на юг, поэтому часто можно было найти разлетевшиеся плавательные трусы или купальники; иногда попадались на глаза пустые сигаретные пачки, зажигалки, стаканчики из-под кофе. Один раз мне повезло углядеть среди придорожной пыли позолоченный (возможно, даже золотой) портсигар, который я никому не показывал из страха, что взрослые сразу отберут его, так и не сказав, почему, или вовсе соврал про его ценность.

Я всегда пытался угадывать про себя, куда едут люди по этой дороге и что их ждет впереди. Я прекрасно понимал, что однажды и мне придется выйти, или скорее даже выехать на эту дорогу и уехать подальше от тех мест, что служили мне домом, кровом и местом моих приключений. Иногда я создавал себе приключения из ничего, но с одной лишь целью – убежать от скуки, зарыться по уши в прекрасный и рискованный мир неизвестного. Поэтому я не собирался впредь ограничивать себя одной лишь этой дорогой – мама часто говорила, что путей существует уйма, и за мной всегда оставался выбор, какой из них стоит выбрать, и что не всегда следует доверяться старой доброй судьбе.

Мама часто упоминала это понятие – судьба, про ее влияние на человека, впрочем, как и про действие человека – на нее. Первое встречалось гораздо чаще, чем второе, ведь очень часто и свободно люди отдавали себя во власть выбранного пути, выпуская его нить из собственных рук. Судьба многим виделась игрушкой, игры с которой были часто опасны, ведь никто никогда не получал четкую инструкцию, как с ней обходиться, как ее собирать, также

как и не было общих предостережений – на руки она выдавалась каждому человеку своя особенная.

Мне иногда казалось, что мама корила себя за то, что доверилась судьбе, а не взялась совершать все самой, своими силами. Когда она говорила о том, что могло бы быть, если бы она не осталась с моим отцом, в ее глазах загорался живой огонек, и тогда она рассказывала мне, что жизнь невероятно велика со всем своим огромным количеством возможностей, но при этом же мала, чтобы попытаться за все из них зацепиться. Ей нравилось тешить себя подобными мыслями и представлениями ненастоящей или, как говорил отец, потенциальной жизни. Из-за этого они частенько повышали друг на друга голос, но быстро успокаивались, ведь мама хорошо понимала всю глупость переживаний по несбывшемуся и призрачному.

Я любил мечтать, но в моих мечтаниях было много всего того, чего я мог себе лишь отдаленно представить, дорисовывая недостающие фрагменты в голове. Вот поэтому еще больше мне нравилось прилагать усилия, чтобы что-нибудь получить, или просто надеяться на удачу, что мне подвернется не только портсигар, но например, и какой-нибудь блокнот с записями, номерами или рисунками. Это точно стало бы для меня значимым событием, ведь число загадок выросло в несколько десятков, а, может, и сотен раз, в зависимости от толщины и заполненности этого самого блокнота.

Я посмотрел на наручные часы, чтобы проверить время – отец требовал, чтобы я всегда вовремя появлялся к обеду или ужину. Мне еще оставалось с полчаса этой дорожной свободы, а если подумать – даже плюс десять или пятнадцать минут, ведь отец в выходные дни возился в гараже.

Он сейчас валялся под днищем своего любимого «Плимута», который мне иногда хотелось облить бензином и подпалить – с этой машиной у меня не было связи или каких-либо приятных воспоминаний, и уж тем более не было желания считать ее чем-то родным и необходимым, как это делал отец. В гараже он сам всегда забывал про время, а мама не всегда спешила звать его на обед, зачитываясь очередным любовным романом, мамину любовь к которым отец почему-то не одобрял. Честно говоря, его самого с натяжкой можно было назвать любителем чтения: многое из написанного он считал совершенной тратой времени, предпочитая из всех печатных изданий только утренние газеты. Ему нравилось читать с утра газету, вдыхать свежую издательскую краску для печати, шуршать газетными листами, тем самым придавая себе важности. На его лице нередко читалось выражение, говорившее «Спросите меня, что происходит в нашей стране и в мире – и я вам всё расскажу!».

«Аналоговость» отца слегка меня удручала потому, что все давно уже можно было узнать из интернета, из цифрового мира, который мой отец по понятным только ему причинам недолюбливал и считал отвлекающим от реальной жизни. Отчасти я был с ним согласен, видя, как большинство моих друзей могли променять прогулку и освобожденную от движения воскресную дорогу на суточный просмотр всякого ширпотреба в недрах Сети. У меня у самого в комнате стоял новенький компьютер – не столько чистосердечный подарок родителей, сколько мои убедительные аргументы в пользу его необходимости. Пришлось не один раз приминать рукой страницы утренних газет, чтобы поймать отцовский взгляд, полный негодования, напускной отчужденности и, при этом, безусловной любви к своему сыну – ко мне. Получив таки в пользование компьютер, я не стал его рабом, как многие мои одноклассники, которые вообще не понимали, в какой безысходной роли они оказались: он стал для меня важным помощником в освоении огромного мира вокруг меня – но не более.

За четверть часа ходьбы вдоль дороги мне на глаза не попадалось ничего достойного внимания. Я никогда не отчаивался, понимая, что мое терпение будет иметь свои плоды, что когда-нибудь мне повезет, и я буду вознагражден каким-нибудь интересным предметом, выброшенным из недавно проехавшей машины. Однако, и сегодня мои усилия в поиске удивительного оказались не пустыми. Метрах в пятидесяти от себя я увидел нечто темное и неподвижное, лежавшее посреди дороги. Подойдя поближе, я увидел, что это был большой черный пес, которого сбила машина.

Таких больших псов мне давно не приводилось видеть. Он занимал, наверно, чуть ли не половину проезжей части, его туша закрыла практически всю сторону одной из полос, поэтому машинам приходилось его объезжать. Хотя я не увидел на дороге следов шин: то ли его видели издали и объезжали, то ли машин еще не было вовсе, естественно, кроме той, что сбила его. В этой местности редко кто кого сбивал, даже если и происходило дорожно-транспортное происшествие, то все решалось полюбовно или привлечением страховых агентов. Отец часто мне рассказывал, что именно так должны поступать здравомыслящие люди – вызывать других, специализированных людей для решения тех проблем, на которые у них не было возможности (или потребности) потратить время или желание. При этом мне казалось, что отец сам себе противоречил, ведь ни я, ни мама не слышали о его принадлежности к той или иной страховой компании. Но задавать ему подобные вопросы никто из нас не решался – мы считали его прекрасным водителем, и я не знаю, что должно было бы случиться, чтобы он сбил какое-нибудь животное.

Я подошел поближе, чтобы разглядеть в деталях мертвого зверя. Я мог бы вполне назвать себя любознательным ребенком, иногда, как сейчас, например, даже слишком любознательным. Мне всегда было интересно то, о чем взрослые боятся или не хотят разговаривать. Достигнув какого-то возраста все они (наверно, и мне впоследствии придется повторить их судьбу) начинают трепетать перед болезнями, нищетой или чаще всего – смертью. Последняя была поистине запретной темой для многих: кто-то видел ее собственными глазами, кого-то она коснулась слегка, забрав дальнего родственника или домашнее животное. Я не знал, что такое смерть, лишь мог догадываться, что она существует, что кругом, что она станет когда-нибудь частью меня. Вот почему мне так хотелось почувствовать ее ближе, ощутить ее дыхание или присутствие, ну или что там еще. Все, что я мог знать о смерти, было рассказано в книгах или показано в кино. Но это было не по-настоящему, я видел массу оговорок и не выясненных для себя деталей. Мертвое же тело огромного черного пса на дороге могло удовлетворить мою любознательность, которую часто приходилось насильно скрывать – то ли от одноклассников, то ли от родителей или других взрослых – ведь для большинства она была странной, а соответственно опасной. Мне всегда запрещали спрашивать за столом о крушениях кораблей, падениях самолетов или, например, существовании Джека Потрошителя: мои родители не находили ответов на мои вопросы, поэтому просто затыкали мне рот, как это всегда происходит, когда человек знает или хочет узнать больше остальных. Поэтому мне также запрещены каверзные вопросы о Боге.

Морда черного пса почти не пострадала, в отличие от туловища, из которого тонкой, но уверенной струйкой текла, расплзалась по разгоряченному асфальту свежая кровь. У собаки были большие белые клыки, и сейчас, видя перед собой этот посмертный оскал, я не мог для себя решить, был ли это оскал злобы, ненависти к человеку, или оскал последней, самой жуткой, боли. Я не сомневался, что животное успело почувствовать всю боль при столкновении. Интересно, на какое расстояние ее отбросило? Ведь на нее наехали, скорее всего, слу-

чайно, неосознанно; возможно, она появилась из ниоткуда, став предвестником смерти, пусть даже собственной.

Я прошел немного вперед, туда, где, как я полагал, могли находиться следы торможения машины. Мне пришлось пройти, наверно, метров с двадцать пять прежде, чем я увидел несколько черных полос на дороге. Я даже присвистнул – не думал, что туша животного могла оказаться так далеко. Ни на проезжей части, ни возле нее я не увидел покореженных или сбитых частей автомобиля, что мне показалось странным, потому что пес весил килограммов семьдесят, не меньше. Мне пришла в голову мысль, что это мог быть большой грузовик, «трак», водитель который мне обычно представлялся королем дороги, ведь он сидел выше всех, видел дальше всех, а всеоглушающий сигнал таких машин мне казался божественным звуком. Я хотел найти такой, прицепить к велосипеду и ездить так в школу, среди потока машин, пусть не совсем на равных с ними правах, без двигателя или хотя бы еще одной пары колес, но при этом гудеть, взрывая округу гудком, похожего на вой какого-нибудь мифического чудовища.

Да, это скорее всего был большой грузовик. Я представил, как он перевозил целую кучу всяких интересных товаров, или, может, был под завязку загружен продуктами. Хорошо, что я не знаю, какие продукты он вез в прицепе – они потом навсегда были бы связаны с этим мертвым псом, чье распостертое тело говорило о человеческой глупости, неумении предугадывать события и правильно реагировать на них. Я даже подумал, что не зря я тренировал реакцию, «случайно» роняя со стола карандаши и ручки, ловя летающие в воздухе листья или пух или пытаюсь поймать в реке голыми руками рыбу, что давалось мне тяжелее всего – чертова рыба была слишком вертлявой и скользкой, чтобы спокойно даться мне в руки. Отец никогда не понимал моих этих занятий, считая их дуростью и пустой тратой времени. Однажды я ему ответил, что его дурацкая машина – вот главная трата времени, что стоило мне недели общения с друзьями, компьютер и даже книгами, хотя мне притом открылась определенная доля свободы, точнее свободомыслия (на это слово я часто натыкался, когда открывал тяжелые и объемные исторические книжки отца). Как-то даже закралась в голову мысль, что я не хочу стать таким же фанатиком, как отец.

Пес не давал мне покоя. Я хотел исследовать его хорошенько, но времени на это оставалось катастрофически мало – я не хотел расстраивать маму и тем самым вызывать на себя гнев отца. Мне нужно было найти выход из положения, придумать какой-нибудь план, потратив на это не более пятнадцати минут: десять минут на само выполнение плана и минут пять, чтобы добраться домой вовремя, не вызвав ни у кого подозрений.

Размышляя, как быть, я подумал, что вряд ли родители могли меня в чем бы то ни было подозревать – мне двенадцать лет, курить я еще даже не пробовал, про какие-то другие непроверенные действия мне известно не много, из фильмов и иногда попадающихся в доме журналов. Отец постоянно следил за тем, чтобы я ничего «дурного» не смотрел, давал мне подзатыльник даже при произнесении слова «черт» и его производных и раз в две недели звонил с работы в школу, чтобы справиться о моих успехах. Не думаю, что ему могли рассказать обо мне что-то, что вызвало с его стороны раздражение – тем более гнев – но мне казалось, что он был мной все время недоволен, точнее я ловил его взгляд, направленный на меня, в котором любовь и уважение ко мне усердно прятались за непониманием, негодованием и упреком. Отец, по всей видимости, сам боялся, что я могу стать его копией: прожить обычную жизнь, проходить на обычную работу, провести время с теми людьми, в ком мало было интересного – лишь глупость, иногда зависть, чаще тщеславие и высокомерие, основанные на пустом месте. Именно так отцу жилось в этом мире, в котором ему не хватало новизны, интриги или неболь-

шой, но яркой искры, способной зажечь его, вдохнуть в него огонь часто безответной любви к жизни.

Не так давно, помогая убирать по дому, я совершенно случайно натолкнулся на дневник отца. Точнее это были несколько страниц из какого-то ежедневника, с двумя десятками записей, сделанных его почерком – в этом не было сомнений. Я нашел эти записи в чулане в комнате родителей: туда я заходил редко, потому что мне на глаза, так или иначе, попадалась их кровать, ассоциировавшаяся у меня с чем-то нехорошим, явно противозаконным. Я иногда слышал звуки, исходившие из этой комнаты, и в первый раз мне хотелось побежать на помощь кричавшим и стонавшим родителям, но потом я понял, что это всё называлось сексом, о котором, кстати, уже начинали болтать мои друзья и одноклассники. Никто из них в точности об этом сексе ничего не знал, но почти каждый второй видел отцовский журнал с голой девушкой на обложке или даже целые фильмы, посвященные полностью этому странному занятию. На страницах отцовских записей не было ровным счетом ничего такого, что могло быть хоть как-то связано с сексом, но там были его переживания, его чувства, часто перемешанные с разочарованием от жизни. Он мечтал о другом, когда заканчивал школу, он думал иначе, когда оканчивал университет, он был другим до того, как женился на маме. Нет, отец был, в общем-то, доволен, но абсолютно не в той степени, в какой ему этого хотелось.

Вот почему я не хотел лишний раз тормозить мирную атмосферу в семье, не хотел расстраивать обоих родителей. Я оглядывался по сторонам в поисках подсказки для осуществления моей затеи с большим черным псом – я собирался его спрятать, укрыть от чужих глаз так надежно, чтобы потом, придя в эти окрестности, только я мог его найти. Я вспомнил, что недалеко от проезжей части находился выход старого коллектора, поросший травой, будто застывший в том времени, когда он еще был кому-то нужен. Он почти весь порыжел от неутомимой ржавчины – вот уж у кого следовало поучиться работе. Я не знаю, почему им перестали пользоваться: скорее всего, теперешние специалисты предложили новую идею, которая смогла затмить старую идею их предшественников. Так всегда бывает, ведь время не стоит на месте. Правда, всё равно существенно нового ничего так никто и не придумал: всё крутилось вокруг уже давно известных и исследованных понятий, и при появлении какой-либо новизны ее тут же клеймили, как слегка доработанные старое. Я считаю, дело не в старости и не в новизне – дело в отношении к таким вещам, в равном уважении как к давно известному, так и плохо изученному. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как друзья с пеной у рта доказывали друг другу вещи и понятия, не требующие никаких доказательств, которые нужно принять такими, какими они есть.

Однако же, понимание и принятие, то есть, скорее даже, примирение, приходят только с возрастом, да и то только тем, кто хочет понимать и осознавать, а не оставаться в тени мрачного невежества, которое, несмотря на огромное количество информации вокруг, только усилилось со временем, окрепло и не собиралось сдавать свои позиции просветительству.

Я хочу быть другим.

Я хочу быть умнее.

Я хочу быть тверже в своих убеждениях.

Последнее давалось тяжелее всего, ведь каждый, кто знал о моих этих желаниях, старался поставить мне палки зависти и недопонимания в колеса моих личных устремлений. С остальными желаниями проблем практически не возникало – я умел отличаться от остальных детей,

или даже так: я умело отличался от остальных детей. И вот зная все это, я изо всех сил тащил за своей спиной большущее черное животное. Ухватившись за его задние лапы, я пытался двигаться равномерно, чтобы не стереть часть животного об асфальт, чтобы кровь не сочилась на дорогу и все ради одной цели – чтобы никто ничего не знал.

Исследование мертвого пса я видел только как самостоятельное занятие, без привлечения кого-то извне, пусть даже близких друзей. Они могли всё рассказать родителям, и это могло значить для меня только одно, и поэтому было недопустимо, – я получу трепку, и в этот раз могло случиться так, что трепка будет настоящая, потому что собранные негативные эмоции родителей могли выплеснуться за край, и история с черным псом как ничто другое могла этому поспособствовать.

Так или иначе, дело шло к моему наказанию, которое откладывалось на неопределенный срок, но это меня от какой-то причине не пугало. Это в любом случае рано или поздно должно было случиться: я должен был понести наказание, я это прекрасно понимал – детей необходимо иногда наказывать, иначе они почувствуют очень рано полную безнаказанность, подогреваемую детской капризностью и своего рода высокомерием по отношению к взрослым. Другое дело, что мои родители не были поборниками насильственных методов воспитания. Но так как у меня иногда получалось прочесть чувства, проступавшие на лицах взрослых, я уже видел возможное будущее и его сгустившееся надо мной черные тучи. На лицах родителей, да и вообще других старших поколений, я наблюдал скрытность, свойственную только им: они-то считают себя хитрее детей, но никто не умеет так хорошо все скрыть от посторонних глаз, как ребенок, имеющий такую цель. Взрослые очень часто бесхитростны, и оттого страдают – всегда найдется тот, кто сможет воспользоваться наивностью или малодушием.

Мне кажется, черный пес действительно был предзнаменованием чего-то нехорошего. Что именно должно было произойти, мне было невдомек. Но с раннего детства я привык доверять своим внутренним ощущениям. Многие называют это интуицией, но я считаю, что, став старше, многие перестают слушать себя, прислушиваться к практически безошибочному и бесперебойно работающему механизму внутреннего Я. Такой механизм я сравнивал всегда с лучшими из часовых наборов винтиков и шестеренок, слаженная работа которых меня завораживала, не говоря уже о долгой и правильной работе, продлевающей радость от использования. Вот так я приготовился к любому возможному варианту развития событий, где собственно я был главным действующим звеном, ведь убери меня из цепи звеньев – все рассыплется, и судьба (решил использовать мамино любимое в этом контексте слово) примет другой оборот, что, как мне казалось, лишь на некоторое отложит мое наказание, проходившее через эту нить событий ярко-красной линией.

Туша черного пса была почти неподъемна. Как я не пытался вначале затащить ее в трубу коллектора, ничего не выходило. Я даже нашел веревку, перевязал ее вокруг собачьей шеи, перекинув потом через ветку росшего рядом дерева, и попытался втащить. Дело шло медленно, с большим трудом, забирая у меня те силы, которые я оставлял на скорейшее, молниеносное, возвращение домой. А времени на завершение плана почти не оставалось: мама, скорее всего, уже отложила в сторону свой любовный роман, а отец, потирая замасленные руки, собирался закрывать гараж. Его ритуал выходного дня подошел к концу, ему приходилось настраиваться на другие волны, вспоминать, что он является неотъемлемой частью семьи. Мама, складываясь впечатление, не совсем разделяла понятие неотъемлемости отца потому, что однажды я

задал ей вопрос, что мы будем делать, если с отцом что-нибудь случится. Она замешкалась перед ответом, и со стороны не совсем было понятно, было ли это замешательство от самого моего вопроса, или же ее удивило совпадение вопросов двух разных членов одной семьи. «Жизнь на этом не закончится – будем жить дальше, сынок», вот что ответила мне мама. Я очень удивился ее ответу, хотя у меня не оставалось никаких сомнений, что он был исключительно искренним, пусть даже если требовал некоторого времени для обдумывания.

Наконец, у меня получилось запихнуть пса в трубу. Я был доволен, нет, счастлив даже. У меня получилось! Родители могли бы мной гордиться, если бы совершенное мной было спортивным достижением или победой на ученическом конкурсе. Но речь шла о том, что их двенадцатилетний сын умудрился каким-то образом засунуть огромного, сбитого машиной, черного пса в проржавевшую и кишмя кишашую микробами трубу только ради того, чтобы придти позже и смотреть, как дальше будет разлагаться труп, как паразиты будут разъедать его, сдирать по кусочкам избитое тело.

Внутренне я предвкушал те изменения, что произойдут с собакой в следующие пять-шесть дней. Жаль, что они не смогут стать моим научным проектом по биологии – я бы получил высший балл, ведь вряд ли кто из моих одноклассников смог бы додуматься до такого странного и, как бы сказал директор, вызывающего проекта. А я бы отвечал, что хочу, когда вырасту, выучиться на ветеринара или хирурга: была большая доля вероятности, что мою истинную идею с патологоанатомией не поймут, вызовут, конечно же, родителей на беседу с администрацией, заставят посещать школьного психолога, чью должность я бы отменил за ненужностью: основную массу школьных психологов любым способом подкупали родители, чьи дети находились под ударом или скорее под угрозой отстранения или перевода в другое заведение. Таким образом, ребенок, несмотря на некоторое психическое расстройство, оставался в школе, и со стороны учителей делалось всё, чтобы показать, что он здоров, нормален и готов к дружбе с остальными себе подобными. Но нас, детей, не проведешь – на пушечный выстрел никто не подойдет к такому «здоровому» мальчику или девочке, или, как мы такого или такую называли, «экземпляру».

Такие явления случались повсеместно. Был и в моей школе такой «экземпляр»: он учился в параллельном классе, ни на что не жаловался, нечасто, правда, общался с одноклассниками, но при этом считался вполне нормальным парнем. Все так думали до тех пор, пока он не сжег нашу классную комнату. Его увидели выходящим из школы, лицо всё было измазано копотью, в руках он держал «зиппо», которую он накануне содеянного украл у своего отца. Его лицо озаряла такая улыбка, будто он совершил величайший и добрейший поступок в мире, – ему явно доставило удовольствие облить классную комнату бензином и поджечь. Наверно, он спокойно бы досмотрел то зрелище вблизи, и, совершенно точно, до конца, пока языки пламени не достигли и не лизнули бы его самого, превращая его в жалкий огарок родительских представлений и надежд. Но собственный инстинкт самосохранения возобладал над желаниями, поэтому он решил, что не стоило дольше оставаться в жаровне, в которую он превратил школьный класс.

«Мне не нравилась та комната», спокойно и без видимого напряжения ответил Николас – именно так звали этого мальчика. После этого случая он практически ничего не говорил, даже родителям, даже полицейским, задававшим кучу вопросов: последних он заставил попотеть потому, что явных и прямых доказательств против него, как ни странно, не было. Все знали, что это сделал именно этот мальчик по имени Николас. А он просто улыбался, и в его глазах всем без исключения виделся огонь, яркий, живой и скорее всего сумасшедший, и поэтому непобедимый в своей бессознательной мощи.

Родителям Николаса удалось как-то замять дело со сгоревшей комнатой. Еще некоторое время мальчик оставался в городе, но ни у кого уже не было сомнений, что не было ему места среди нормальных людей, что придется ему жить среди подобных. А это означало либо

психиатрическую лечебницу, либо, на худой конец, дорогой закрытый пансионат, где бы его смогли продержат еще долго, правда, не имея никаких гарантий, что новое учебное заведение не станет пеплом после его вмешательства. Родители тратили на Николаса большие деньги: я не знал, сколько точно, но судя по маминим округлившимся глазам, это были приличные суммы, на которые наша нормальная и адекватная семья смогла жить не один месяц.

Никто с этим мальчиком-поджигателем больше не заговаривал, боясь превратиться в живое барбекю. На улицах, если все-таки он туда каким-то образом попадал, на него смотрели не то что косо – неприязненно, боязливо, а иногда глазами, исполненными первобытного ужаса. Честно говоря, мне было жаль этого мальчика, пусть даже если он и поступил плохо, очень плохо. У меня у самого случались мысли сделать что-нибудь со школой или каким-нибудь учителем, но я не решился бы на их приведение в жизнь: кишка была тонкая и я бы вообще струсил. Такие штуки с поджогами или какими еще злодействами (именно так отец назвал то, что сделал Николас) даются не каждому, и уж точно не мне.

Однажды я встретил Николаса, выходящего из магазина с небольшими пакетами, плотно набитыми едой. Я даже не успел удивиться, что ему что-то вообще там продали, как он встретился со мной взглядом и небрежно бросил «привет». Меня как тяжелым молотком по голове ударило: я не мог ничего толком ответить, лишь промычал ему в ответ что-то похожее на привет. Я так ждал, что Николас просто пройдет мимо меня, но он остановился, так и не отведя взгляд.

У меня сложилось четкое ощущение, что он не собирался отводить от меня свой взгляд. Его глаза приковывали своим огоньком и полной уверенностью. Физически он не был больше, выше или сильнее меня, но мне показалось, что с такой решительностью Николас был готов абсолютно на всё, и что поджог школьной аудитории – далеко не единственное, на что он был способен. Меня бросило в жар, я не знал, как найти себе место: я не смел повернуть голову, боялся отвести взгляд, ведь я даже не догадывался, что можно было ждать от этого странного ребенка.

«Ты боишься меня», – продолжал Николас, явно наслаждаясь производимым на меня эффектом своей догадки, – «но не так, как остальные. Наверно, тебе немного жаль меня. По крайней мере, ты думаешь, что тебе жаль меня. А я вот считаю, что ты хотел бы быть на моем месте. Правильно я говорю? Судя по твоему замешательству, я продолжу так думать. Если хочешь, расскажу, как это, бросать спичку в ожидании хорошей вспышки. А хочешь, покажу, как сделать приличный коктейль Молотова? А еще могу рассказать о своих планах на будущее», – я даже не успел ничего возразить, как он продолжил: «планов этих не так уж и много: сбежать из этого города куда подальше и жить на воле. Пусть ищут – все равно не найдут».

С Николасом произошла метаморфоза: на его лице вновь была та самая улыбка, какую я увидел у него сразу после поджога. Она была полна довольства и мечтательности, можно было подумать, что он прочел только что приключенческий роман и создал на его основе в голове картину, во главе которой он и есть герой этого романа. Он посмотрел вверх, на ярко-голубое небо, тем самым дав мне возможность моргнуть, сбросить хотя бы частично тяжесть и влияние его взгляда. Его глаза недолго блуждали по безоблачному небу, и вот он снова принялся говорить со мной, совершенно не замечая, нужен ли мне этот разговор. Он был тогда хозяином положения и мог говорить мне всё, что угодно – я бы даже ничего не возразил ему.

«Хочешь, можем сбежать вместе? Ты, вроде, нормальный парень. По крайней мере, я так думаю. Надеюсь, взяв тебя с собой, я не получу нож в спину?» – тогда впервые я услышал, как Николас смеется. Это не был смех простого мальчика, нет, это было нечто другое, зловещее, будоражащее, будто передо мной стоял злодей из комиксов и рассказывал свои планы по уничтожения Земли и всего на ней живого. В тот момент я был смущен и испуган, вот что я скажу. И Николас увидел это, но ничего больше не сказал. Разговор был окончен, но перед

тем как скрыться за поворотом здания магазина, он еще раз посмотрел мне в глаза и произнес «до скорой встречи».

Это странное для меня «до скорой встречи» Николаса отдавалось в голове и сейчас, когда я стоял над телом черного пса, пытаюсь перевести дыхание после собственной утомительной затеи, которая не раз успела показаться мне чистой глупостью. Но я отгонял прочь подобные мысли, впереди меня ждал проект, за который я хотел взяться как можно скорее. Правда, на сегодня все мои занятия заканчивались: передо мной маячили обед, а потом и ужин, в кругу семьи, за просмотром какого-нибудь старого фильма, выбор которого вызовет очередную ссору моих родителей. Я бы, конечно, хотел сказать, что я, мол, пасс, не хочу смотреть кино, не желаю есть в четко назначенное время, но до подобного момента сопротивления и одновременного откровения перед родителями оставалось еще много времени, хотя моя подростковость уже показывалась и намекала на себя.

Я взглянул на наручные часы: времени оставалось совсем чуть-чуть. Нужно было действовать быстро, руки в ноги и домой. Я вылез из трубы коллектора, попытался посмотреть на себя со стороны, используя вместо зеркала лужу. Я решил лучше взглядеться в собственное отражение, ведь именно оно было моим самым надежным алиби. Критически исследовав свой внешний вид и оставшись им довольным, я поднялся к проезжей части, огляделся по сторонам, и, убедившись, что никто за мной не следит, побежал к небольшому кустарнику, росшему вдоль дороги. Там я оставил велосипед, и только когда сел на него, я понял, что был полным болваном, потратившим кучу времени на перетаскивание туши мертвой псины, когда мог использовать для этого этот самый велосипед, сэкономив кучу времени и сил. Сиюминутная радость от находки и мечтания была сродни глупости, застыв возможность нормально, а главное продуктивно, мыслить. Я иногда ненавидел себя лютой ненавистью, и сейчас был как раз один из таких моментов.

Дурак!

Идиот!

Кретин!

Каждое новое ругательство в свой адрес, так же как и каждый нажим на педали, отдавались пульсацией небольшой венки возле правого виска. Так, вскоре у меня разболелась голова – пульсации становились все сильнее, набирали большой темп параллельно с нарастающей скоростью педалирования. Мне пришлось заставить себя не обращать внимания на боль, хотя с каждым метром это становилось все труднее.

Уже почти подъехав к дому, а до него оставалось уже несколько минут, а то и меньше, у меня в глазах начало двоиться, боль стала еле выносимой, мне так и хотелось остановиться, слезть с велосипеда и лечь на газон кого-нибудь из соседей. Но это было подобием роскоши в данной ситуации, да и я уже совсем рядом, сдаваться не следовало, да и не имело это никакого смысла. Я заставил себя думать о хорошем, но в голову, как назло, лезли почему-то только весь покрытый копотью Николас и первое впечатление, первая картинка от найденного посреди автодороги трупа огромного черного животного. Не скажу, что эти мысли были плохими, нет, скорее неуместными сейчас, ведь боль не проходила. Хотя и они сделали свою работу для меня: я даже не заметил, как оказался возле родительского дома.

Отец закрывал уже гараж, но я успел завести в него велосипед. Вот что значит вовремя! Я запыхался, еле дышал, был все-таки местами слегка запачкавшийся, но то, что двухколесный стоял в гараже рядом с «Плимутом», где и было ему законное место, заставило отца поверить, что со мной все в порядке, что я жив и, скорее всего, здоров. Его взгляд сразу смягчился, и, вытерев руки о старую синюю робу, он обнял меня за плечи, спросил, как прошел мой день, и, получив удовлетворивший его ответ, велел быстро мыть руки и так же споро садиться за стол, чтобы не заставлять нервничать маму.

Через несколько минут, отдышавшийся, переодевшийся и чистый, я сидел за столом в гостиной, на котором уже стояло несколько горячих, пышущих жаром блюд. Отца еще не было, но он должен появиться в любое мгновение, и я уже был готов услышать в свой адрес «сиди ровно» и «жуй хорошенько». У меня текли слюни, и я перестал думать обо всем на свете в ожидании маминых вкусок, часть которых я уже успел положить себе в тарелку, несмотря на деланно недовольный взгляд мамы. Вскоре пришел отец, сияющий как новый четвертак – он был явно довольный проделанной в гараж работой. Он сел во главе стола, и обед начался.

Среди всего прочего передо мной на тарелке лежал ростбиф. Вкусный, черт возьми, изумительный ростбиф, средне прожаренный, мягкий, сочащийся кровью. Но именно вид крови, вытекающей на белоснежную фарфоровую тарелку и впитывающейся в картофельное пюре, заставил меня вспомнить о псе, спрятанном от посторонних глаз в трубе. Он лежал там и ждал моего прихода, моего внимательного исследования, моей любознательности.

Я окунул палец в уже остывшую коровью кровь, начал водить им из стороны в сторону, создавая в тарелке на белом фоне узоры, смысл которых я сам не понимал. Я пытался увидеть логику в этих рисунках кровью, но у меня ничего не выходило. Родители же были слишком заняты своими мыслями и едой, чтобы заметить, что я пальцем возил по тарелке. Перестав искать смысл в узорах, я облизал палец и принялся за еду, казавшуюся мне невероятно вкусной. Я набрасывался на мясо, будто меня держали в подвале несколько дней и кормили только овсянкой.

Несколько минут спустя я потребовал добавки ростбифа. «Посочнее, мам, если можно». Я почувствовал, как сам непроизвольно расплылся в улыбке, посмотрел на свое отражение в серванте, и на какую-то на секунду мне показалось, что вместо меня сейчас сидит Николас, улыбается своей ненормальной улыбкой и вынашивает планы на будущее. Я зажмурился – видение исчезло. Я еще не знал всех своих планов на будущее, но за этот долгий и насыщенный день я понял одно: кровь, мертвеющая плоть и сама смерть стали для меня чем-то другим, гораздо более значимым, чем раньше, и это меня, черт возьми, будоражило...

2

Все, что происходило в последующие после находки пса дни, нельзя было назвать чем-то новым или необычным. Всё проходило в том же неспешном ключе, плавном русле, что и раньше, и я не собирался выказывать своим видом, что у меня появился в жизни новый интерес, кроме тех, которые может иметь обычный среднестатистический мальчик в данной местности в данный период времени. Кстати, слово «среднестатистический» меня раздражает, и даже больше, ведь оно уравнивает меня с остальными, чего мне, естественно, не хочется. Я всегда ненавидел статистику, эти жалкие, голые цифры, которые показывают только определенные возможности и варианты, эти якобы достоверные данные, которым все так глупо сегодня верят. Наверно, тем самым в быте людей появляется упорядоченность, а что может быть надежнее для обычного человека, чем простота, четкость или конкретность вещей вокруг него? Я вот могу случайно выразить в школе мысль, что по статистике каждый третий мой одноклассник может иметь слабые умственные способности, или может попросту быть идиотом, – и мне поверят; на самом же деле, этот процент гораздо выше. И таких примеров было целое множество, со всех сторон было только и слышно вечные «по статистике», «статистически», «цифры не врут».

Однако же цифры врут, еще как, особенно когда дело касается так называемого человеческого фактора. Вначале, услышав в вечерних новостях это словосочетание, я не сразу понял, о чем же все-таки шла речь. Но потом я начал догадываться, что каждый раз, когда человек ошибается в подсчетах, неправильно рассчитывает свои силы или просто отворачивается и смотрит в сторону в самый нужный момент, – это-то и есть тот самый человеческий фактор. Тогда случаются катастрофы, падают самолеты и гибнут люди; такими событиями полны ежедневные сводки новостей, когда бы ты за них не взялся – рано утром, в середине дня или поздней ночью от нечего делать. Ведь время идет, всё так или иначе меняется, но одно остается неизменным, на мой взгляд, – цифры продолжают врать нам, тем, кто их применяет, кто их создает из ничего, делая главными помощниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.